

Научная статья

<https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-59-67>

EDN: <https://elibrary.ru/djfnfo>

ТРЕГУБОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

(Москва, Россия)

kiber1817@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема ограничения конституционных прав и свобод человека при применении мер административно-процессуального принуждения в контексте административного процесса. Основой научной работы являются доктринальные положения отечественной науки административного права, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. Административно-процессуальное принуждение рассматривается как особая совокупность обеспечительных мер, не тождественных административной ответственности и предназначенных для достижения процессуальных целей в производстве по делам об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется функциональной природе таких мер, их обеспечительной сущности, доказательственной и исполнительной направленности, что позволяет раскрыть их инструментальный характер, противопоставляя их санкционным механизмам.

Анализируются конституционные пределы допустимого вмешательства государства в сферу прав личности при применении доставления, административного задержания, личного досмотра, изъятия вещей и документов, освидетельствования, а также помещения иностранных лиц, подлежащих административному выдворению, в специальные учреждения. Обосновывается, что ключевыми критериями допустимости ограничений выступают законность в ее содержательном понимании, правовая определенность, необходимость и соразмерность, а также наличие эффективных процедурных гарантий и судебного контроля. На основе анализа судебной практики показано, что частичная неопределенность правового регулирования мер административно-процессуального принуждения, в том числе в вопросах исчисления сроков и объема вмешательства, способна трансформировать процессуальные меры в санкционные, которые имеют уже природу ответственности за совершенное правонарушение и выражаются в фактическом лишении свободы или чрезмерном ограничении прав.

Ключевые слова: административно-процессуальное принуждение, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, ограничение прав, Конституция Российской Федерации, соразмерность, судебный контроль, административное задержание, личный досмотр, изъятие

Для цитирования: Трегубов И. С. Проблемы ограничения конституционных прав личности при применении мер административно-процессуального принуждения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 59–67; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-59-67>.

TREGUBOV IGOR S.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

PROBLEMS OF RESTRICTING CONSTITUTIONAL RIGHTS OF INDIVIDUALS WHEN APPLYING MEASURES OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL ENFORCEMENT

Abstract. *The article examines the problem of restrictions on constitutional human rights and freedoms when applying administrative and procedural coercion measures in the context of an administrative process. The basis of scientific work is the doctrinal provisions of the Russian science of administrative law, as well as legal positions The Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Administrative procedural coercion is considered as a special set of interim measures that are not identical to administrative responsibility and are intended to achieve procedural goals in proceedings on administrative offenses. Special attention is paid to the functional nature of such measures, their security nature, their evidentiary and executive focus, which allows us to reveal their instrumental nature by contrasting them with sanction mechanisms.*

The article analyzes the constitutional limits of the state's permissible interference in the sphere of individual rights when using delivery, administrative detention, personal search, seizure of items and documents, examination, as well as the placement of foreign individuals subject to administrative expulsion in special institutions. The article argues that the key criteria for the permissibility of restrictions are legality in its substantive sense, legal certainty, necessity and proportionality, as well as the presence of effective procedural guarantees and judicial control. Based on an analysis of judicial practice, it has been shown that the partial uncertainty of the legal regulation of administrative and procedural coercive measures, including issues related to the calculation of time limits and the scope of intervention, can transform procedural measures into sanctions that already have the nature of liability for an offense and are expressed in actual deprivation of freedom or excessive restriction of rights.

Keywords: *administrative procedural coercion, measures to ensure proceedings on administrative offenses, restriction of rights, Constitution of the Russian Federation, proportionality, judicial control, administrative detention, personal search, seizure*

For citation: Tregubov I. S. Problems of restricting constitutional rights of individuals when applying measures of administrative and procedural enforcement // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 59–67; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-1-59-67>.

В отечественной доктрине административного права административное принуждение традиционно рассматривается как особый вид государственного принуждения, применяемый преимущественно в сфере исполнительной власти и направленный на охрану публичного порядка и обеспечение исполнения правовых предписаний [1]. Такой подход позволяет выделить два взаимосвязанных признака административного принуждения. Во-первых, субъектный признак, выражающийся в том, что основная совокупность принудительных полномочий принадлежит органам исполнительной власти и иным административным органам, тогда как судебные органы, как правило, осуществляют последующий контроль за законностью и обоснованностью их применения. Во-вторых, функциональный признак, заключающийся в направленности административного принуждения на обеспечение общеобязатель-

ности правовых предписаний, защиту прав и законных интересов личности, общества и государства, а также на предупреждение и пресечение правонарушений.

В рамках административного принуждения доктрина обычно выделяет меры предупреждения, меры пресечения, меры административной ответственности, а также меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предназначенные для нормального хода административного процесса. Именно последняя группа и образует сущность мер административно-процессуального принуждения.

Административно-процессуальное принуждение следует понимать как совокупность установленных законом властных мер, применяемых в рамках административного процесса (прежде всего в производстве по делам об административных правонарушениях) для достижения процес-

суальных целей: установления личности, фиксации доказательств, пресечения попыток скрыться, обеспечения своевременного рассмотрения дела и исполнения постановления. В отличие от мер ответственности, эти меры не выражают санкцию за совершенное правонарушение и не являются наказанием. Их назначение инструментально и заключается в обеспечении достижения результата в производстве, где государство обязано действовать оперативно, но не выходя за рамки законности.

На этой основе особенно важен системный подход, который прослеживается в научных работах. Анализируя процессуальные (обеспечительные) меры в производстве по делам об административных правонарушениях, подчеркивается их функциональная направленность на предупреждение, пресечение и сбор доказательств по делу, а также связь с исполнением наказаний. Такое понимание определяет то, что меры административно-процессуального принуждения «направлены на предупреждение административных правонарушений... и пресечение соответствующих правонарушений; кроме того, они используются для сбора доказательств... и интенсифицируют процесс исполнения назначенного административного наказания» [2, с. 73–81].

Нормативным основанием административно-процессуального принуждения в производстве по делам об административных правонарушениях являются меры обеспечения производства, закрепленные в гл. 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В то же время правоприменительная практика свидетельствует о том, что отдельные меры административно-процессуального принуждения, по своему функциональному назначению относящиеся к обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, закреплены не только в КоАП РФ, но и в иных нормативных правовых актах, включая законодательство о полиции, о безопасности дорожного движения, о миграции. Такая фрагментарность нормативного регулирования объективно усложняет правоприменение и обуславливает необходимость терминологической согласованности, а также выработки единых стандартов правовых гарантий при применении соответствующих мер.

Системный характер мер административно-процессуального принуждения предполагает не только их внутреннюю согла-

сованность, но и обязательное соблюдение пределов конституционно допустимого вмешательства в сферу прав и свобод личности. Это означает, что каждая обеспечительная мера в административном процессе должна одновременно отвечать требованиям процессуальной эффективности и требованиям правовой защищенности от произвольных действий публичной власти. Преобладание цели достижения результата без адекватного учета гарантий законности и соразмерности искажает назначение административной процедуры, превращая её из правового механизма в инструмент одностороннего управленческого воздействия, что вступает в противоречие с принципами правового государства, закреплёнными в Конституции.

Конституционно допустимое ограничение прав предполагает соблюдение целого комплекса требований, вытекающих из Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. В теоретическом плане ключевыми являются: принцип верховенства Конституции и закона, принцип равенства, требования правовой определенности, а также пропорциональность как критерий соотношения цели и средств.

В административном производстве это означает следующее. Если государство ограничивает свободу (например, задержанием), неприкосновенность частной жизни (например, личным досмотром или изъятием документов), право собственности (например, изъятием вещи), оно обязано доказать легитимность цели и необходимость именно такого вмешательства. Недостаточно сослаться на «общественный порядок» абстрактно, требуется конкретизация риска и невозможность достижения цели более мягкими средствами.

Поскольку административно-процессуальные меры часто применяются до установления доказательств по делу, особое значение имеет презумпция невиновности и запрет «процессуального наказания». Нормативно эта идея выражается и в том, что лицо «не может быть подвергнуто... мерам обеспечения производства... иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом», а оценка доказательств должна строиться на законности их получения.

Одним из ключевых критериев допустимости ограничения прав в административном процессе является законность, понимаемая не формально, а содержательно. Закон должен быть доступным, ясным

и упорядоченным для субъекта, в отношении которого применяются ограничительные меры. Иначе говоря, гражданин должен иметь возможность понять, при каких условиях мера может быть применена, каковы ее пределы, как фиксируются действия должностного лица, как обжаловать меру и получить компенсацию при незаконности.

С этой точки зрения показательна позиция Конституционного Суда Российской Федерации в контексте сроков административного задержания. В нормативных правовых актах подчеркивается, что регулирование, допускающее удержание лица сверх конституционно значимых пределов без судебного решения, противоречит конституционным гарантиям свободы и личной неприкосновенности. Так, анализируя порядок исчисления срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о неконституционности соответствующего регулирования. Суд указал, что установленная модель фактически допускает удержание лица в режиме административного задержания свыше 48 часов без судебного решения, что не согласуется с конституционными гарантиями равенства, свободы и личной неприкосновенности, а также с пределами допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина, закрепленными в ст. 19, 22 и 55 Конституции Российской Федерации¹.

Данное постановление демонстрирует, что правовая определенность касается не только оснований, но и времени. Срок является «жестким ограничителем» принуждения, а его размывание превращает процессуальную меру в фактическое лишение свободы, не обеспеченное судебным контролем.

Если законность отвечает на вопрос, «можно ли в принципе», то соразмерность отвечает на вопрос, «в каком объеме и насколько интенсивно». В административно-процессуальном принуждении это проявляется, например, в выборе меры (доставление или задержание), в определении минимально необходимого срока, в объеме вторжения в частную жизнь

при досмотре, в решении вопроса об изъятии имущества или документов.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы выдворения и связанного с ним удержания в специальных учреждениях, неоднократно подчеркивал необходимость оценивать реальные обстоятельства, не ограничиваясь формальными основаниями. В материалах, обобщающих такую практику, фиксируется идея, где при оценке необходимости выдворения и удержания суды должны обеспечивать решение, которое будет необходимым и пропорциональным, иначе мера способна привести к «чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод»².

Аналогичное судебное трактование демонстрирует и Европейский суд по правам человека. В деле *Menesheva v. Russia* Суд пришел к выводу, что период административного удержания до доставки к судье не отвечал гарантиям ст. 5 Конвенции, а последующее постановление об удержании оказалось несовместимым с общей защитой от произвола³. Этот подход важен для административно-процессуальных мер по двум причинам: во-первых, он расширяет понимание «законности» и «урегулированности»; во-вторых, показывает, что даже формально законная мера может быть признана произвольной при отсутствии процедурных гарантий.

Так, в миграционной практике при применении мер принуждения к лицу без гражданства фиксируется проблема длительного содержания, когда фактическое лишение свободы может продолжаться значительное время из-за невозможности выдворения. В обзорных материалах и решениях, которые анализируются в международных базах судебной практики, подчеркивается необходимость судебного контроля сроков и возможности оспаривания дальнейшего удержания. В частности, в описании дела Е. Л. Кима отмечено, что ранее Конституционный Суд сформулировал решение, обеспечившее право оспаривать дальнейшее удержание спустя

¹ По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6840.

² По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2017 № 14-П // СПС «Консультант-Плюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (дата обращения: 12.01.2026).

³ *Menesheva V. Russia: Judgment of 9 March 2006* (application no. 59261/00) // HUDOC: European Court of Human Rights.

определенный период, и указал на необходимость законодательных изменений¹.

Отдельный аспект гарантий связан с правом на юридическую помощь и допустимостью доказательств. В тематике безопасности дорожного движения обращено внимание на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации: при рассмотрении дел «не допускается использование акта освидетельствования... если указанные доказательства получены с нарушением закона»². Данная установка подчеркивает, что соблюдение процедуры не формальность, а условие легитимности итогового решения.

Наиболее интенсивно административно-процессуальные меры затрагивают свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции Российской Федерации). Сюда относятся доставление и административное задержание, а также помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации. При этом интенсивность вмешательства может быть различной – от кратковременного ограничения свободы передвижения до фактического лишения свободы на продолжительный срок.

КоАП РФ устанавливает, что срок административного задержания по общему правилу не должен превышать трех часов, а в исключительных случаях допускаются иные пределы, которые закон связывает с особенностями категории дел. Это нормативное определение отражает конституционную установку, где лишение свободы не может быть обыденным с точки зрения применения закона, а оно должно быть исключением.

Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая регулирование, допускав-

шее удержание лица в состоянии опьянения сверх 48 часов без судебного решения, прямо указал на противоречие конституционным гарантиям³. Такая позиция демонстрирует строгий подход к срокам как к материальной гарантии свободы: неясность момента начала течения срока задержания способна превратить меру обеспечения в чрезмерное вмешательство.

Личный досмотр, досмотр вещей, изъятие документов, а также медицинское освидетельствование затрагивают сферу частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) и достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ). Эти меры могут быть законными и необходимыми, однако при отсутствии регламентации форм уважительного обращения, при несоблюдении требований к фиксации, при широком толковании оснований они превращаются в источник произвольного вторжения в частную сферу.

Специфика административно-процессуальных мер состоит в том, что они применяются не только на стадии производства по делу. Поэтому требование минимизации вмешательства приобретает особую силу. Если наказание назначается после установления вины, то обеспечительная мера применяется при еще не доказанном правонарушении. Следовательно, ее влияние на права личности должно быть строго минимальное и одновременно эффективное для обеспечения производства по делу об административных правонарушениях.

Среди современных подходов к пониманию соразмерности ограничения прав личности учеными приводится перечень обеспечительных инструментов. Данные научные труды указывают на целесообразность закрепления дополнительной меры, связанной с установлением вменяемости, формулируя ее как «медицинское освидетельствование на предмет определения вменяемости при совершении административного правонарушения [2, с. 73–81]. С конституционной точки зрения подобная идея может быть реализуема лишь при жестких гарантиях: четких основаниях, ограниченном объеме вмешательства, обязательной документальной фиксации, праве на обжалование и исключении дискриминационных практик.

¹ По жалобе лица без гражданства Кима Евгения Львовича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 3.10, частью 1.1 статьи 18.8 и частью 1 статьи 27.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2021 № 378-О // Legalacts.ru: [информационно-правовой портал]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12032021-n-378-o/> (дата обращения: 12.01.2026).

² О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.

³ По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6840.

Часть административно-процессуальных мер, например осмотр помещений, может затрагивать неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Здесь принципиально важно разграничение между административно-процессуальной мерой и уголовно-процессуальным вмешательством: административное производство не должно «подменять» собой уголовный процесс в части интенсивности вторжения.

С точки зрения конституционных норм любое проникновение в жилище (или действия, функционально сравнимые с таким проникновением) должно иметь четкое нормативно-правовое основание, быть исключением и сопровождаться эффективным контролем со стороны судебных органов. В противном случае возникает риск «расширительной административизации», которая может даже граничить с произволом, когда под видом обеспечительных мер фактически реализуются более жесткие инструменты воздействия.

Изъятие вещей и документов, задержание транспортного средства, арест товаров, временное ограничение распоряжения отдельными объектами непосредственно затрагивают право собственности (ст. 35 Конституции РФ). В административном процессе это вмешательство нередко носит обеспечительный характер, подразумевающий сбор и сохранность доказательств по делу, предотвращение дальнейшего правонарушения, обеспечение исполнения постановления.

Однако конституционная особенность собственности проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, требуется ясное регулирование условий и сроков изъятия. Во-вторых, необходима процедура возврата и компенсации ущерба при незаконности. В-третьих, требуется судебная перспектива защиты (эффективное обжалование). Без этих элементов мера административно-процессуального принуждения превращается в «скрытое наказание» до решения суда.

Ограничение свободы передвижения (ст. 27 Конституции РФ), которое выражается в административном задержании и доставлении и применяется не только к гражданам Российской Федерации, но и также к иностранным гражданам и лицам без гражданства (к примеру, помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации). При этом важно отличать ограничение свободы передвижения от лишения свободы.

Европейские нормы, закреплённые в ст. 5 Конвенции о защите прав человека, ориентируются на фактическую интенсивность и условия содержания лица, а не только на формальную юридическую квалификацию удержания. Практика Европейского суда по правам человека показывает, что даже административное задержание может рассматриваться как ограничение свободы личности. Так, в деле *Menesheva v. Russia* суд установил, что в случае отсутствия надлежащих процессуальных гарантий такое удержание нарушает конвенционные права человека, включая право на свободу и личную неприкосновенность. Это подчёркивает, что для оценки законности ограничения свободы важны реальные обстоятельства содержания и соблюдение процедурных норм, а не только официальная формулировка меры.

Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях обычно рассматривается как кратковременное принудительное перемещение лица в служебное помещение для составления протокола, установления личности или иных процессуальных действий. Возможность превышения ограничения конституционных прав при доставлении заключается в том, что в правоприменительной практике мера может «поглощать» задержание, если фактически лицо удерживается длительно, без фиксации, без разъяснения прав и без надлежащего оформления.

Отсюда вытекают нормотворческие требования урегулирования данных пробелов: обязательность документирования времени начала и окончания доставления; разъяснение прав; право на уведомление и юридическую помощь в ситуациях, когда доставление фактически превращается в удержание.

Административное задержание представляет собой наиболее серьезное вмешательство в свободу личности. Нормативное ограничение срока отражает конституционный принцип минимальности вмешательства. Основываясь на судебной практике, где решение Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу исчисления срока задержания лица в состоянии опьянения показало, что неопределенность начала срока способна привести к фактическому удержанию свыше 48 часов без судебного решения, что признано несоответствующим конституционным гарантиям.

Это судебное дело позволяет сделать частный, но принципиальный вывод, что

при административном задержании «время» является равнозначной гарантией наряду с основанием. Если закон допускает неоднозначность начала исчисления срока, должностное усмотрение расширяется до уровня, несовместимого с запретом произвола.

Меры, связанные с личным досмотром, досмотром вещей, а также изъятием вещей и документов, затрагивают конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, достоинство и собственность. Их законность определяется не только формальным основанием, но и соблюдением строго установленных процессуальных оснований. Основными критериями допустимости применения данных мер являются: ясное законодательное закрепление оснований меры, минимизация объёма вмешательства в частную сферу, обязательная процессуальная фиксация действий и обеспечение возможности эффективного судебного контроля.

Особое значение в правоприменительной практике приобретают процессуальные гарантии правомерности и доказательственной ценности действий. К таким гарантиям относят: участие понятых для обеспечения объективности и прозрачности действий органов; использование видеозаписи как средства документирования и защиты интересов граждан; обязательное составление протокола, фиксирующего все действия, порядок и содержание вмешательства; детальное перечисление изъятых предметов и документов с фиксацией их состояния; предоставление копий протоколов и изъятий лицу, подвергнутому воздействию. Нарушение любого из этих элементов снижает правовую защиту граждан, создаёт потенциал для злоупотреблений и повышает риск недействительности доказательств в судебном производстве.

В сфере безопасности дорожного движения меры освидетельствования на состояние опьянения и медицинского освидетельствования приобретают массовый характер. С конституционной точки зрения такие действия затрагивают личную неприкосновенность и право на частную жизнь граждан, однако их легитимность обосновывается необходимостью защиты жизни и здоровья, а также обеспечением публичной безопасности. Анализ судебной практики и научной литературы показывает, что по своим основаниям и последствиям эти меры во многом схожи, а их роль в формировании доказательственной базы требует строгого соблюдения процессуальных требований. Эта позиция подтверждается

и правовой практикой Верховного Суда Российской Федерации, который подчеркивает недопустимость использования актов освидетельствования, полученных с нарушением закона, в качестве доказательств в уголовном или административном процессе.

Таким образом, в случае, когда обеспечительная мера одновременно выполняет функцию формирования доказательственной базы, соблюдение процессуальных требований приобретает критическое значение не только как средство защиты конституционных прав граждан, но и как условие юридической эффективности деятельности государственных органов. Нарушение установленной процедуры снижает доказательственную ценность результатов действий, подрывает правовую основу применения принудительных мер и ставит под сомнение законность последующих решений органов, что может негативно сказываться как на реализации государственной политики в сфере безопасности, так и на защите прав и законных интересов участников правоотношений.

С точки зрения ограничения свободы особую категорию образуют меры, связанные с помещением иностранных граждан и лиц без гражданства в специальные учреждения до выдворения. На практике проблема возникает в ситуации, когда выдворение невозможно, а удержание продолжается длительное время. В таких условиях критерии необходимости и соразмерности должны оцениваться особенно строго, поскольку фактическое лишение свободы превращается в неопределенный срок.

Материалы судебной практики показывают отсутствие конкретизированных норм о судебном контроле сроков содержания и о возможности оспаривания. Из анализа обстоятельств дела Е. Л. Кима следует, что Конституционный Суд Российской Федерации ранее последовательно указывал на необходимость обеспечения права лица на оспаривание дальнейшего удержания, а также на обязанность государства осуществлять разумный и эффективный судебный контроль за сроками такого ограничения свободы. Подчеркивалось, что меры, связанные с выдворением, в определённых условиях способны приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод личности. В этой связи судам вменяется обязанность оценивать не только формальные правовые основания применения соответствующей меры, но и реальные обстоятельства дела, включая

фактическую продолжительность удержания, цели его применения и степень вмешательства в права лица¹.

Также для полноты понимания всех обстоятельств, в которых затрагиваются конституционные права граждан при применении к ним мер административно-процессуального принуждения, необходимо упомянуть и другие судебных дела.

Существенное значение для обеспечения конституционных гарантий свободы личности имеет правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная по вопросу исчисления срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения. Ранее применявшаяся нормативная конструкция связывала начало течения срока задержания с моментом вытрезвления, что в условиях правоприменительной практики фактически допускало удержание лица без судебного решения на период, превышающий установленный 48-часовой предел. Конституционный Суд указал, что подобный подход позволяет подвергать лицо административному задержанию на срок более 48 часов без судебного решения, что противоречит требованиям ст. 19, 22 и 55 Конституции РФ, закрепляющих принципы равенства, свободы и соразмерности ограничения прав². В рамках анализируемой проблематики данная правовая позиция демонстрирует, что предметом конституционного контроля могут становиться процессуальные меры, которые на уровне текущего правоприменения воспринимаются как вспомогательные или технические. Вместе с тем в конституционно-правовом аспекте определение момента начала исчисления срока административного задержания непосредственно связано с допустимостью ограничения свободы личности без судебного решения. В этой связи реализация гарантий свободы предполагает нормативную определённую начала течения срока, недопустимость расшири-

тельного толкования соответствующих положений, обязательную процессуальную фиксацию каждого временного этапа удержания, а также наличие эффективных механизмов судебного обжалования.

Хотя постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2025 № 26-П непосредственно не посвящено таким классическим обеспечительным мерам, как административное задержание или досмотр, оно наглядно демонстрирует конституционную значимость процессуальных гарантий в сфере административного производства. В частности, в данном решении акцент сделан на праве лица не нести чрезмерные процессуальные издержки при подтверждении его правоты в споре с государством. В правовых позициях, сформулированных Конституционным Судом, указывается на недопустимость возложения судебных и иных процессуальных расходов на частное лицо в ситуации, когда оспариваемые действия или решения государственных органов признаны незаконными. Одновременно подчеркивается обязанность судов оценивать разумность понесённых расходов и недопустимость отказа в их возмещении исключительно по формальным основаниям.

Значение данного постановления для рассматриваемой темы заключается в том, что любые ограничения прав, возникающие в рамках административно-процессуального принуждения, должны быть уравновешены действенными и реально функционирующими механизмами правовой защиты. Если лицо вынуждено прибегать к судебному обжалованию незаконных процессуальных решений или действий должностных лиц, сама процедура судебной защиты не должна становиться экономически обременительной или фактически недоступной. Тем самым обеспечивается не формальный, а реальный характер конституционных гарантий прав и свобод в административном процессе³.

Меры административно-процессуального принуждения выступают необходимым инструментом обеспечения нормального хода административного производства, поскольку позволяют государству оперативно реагировать на правонарушения и обеспечивать исполнение публично-правовых обя-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2017 № 14-П // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (дата обращения: 12.01.2026).

² По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6840.

³ По делу о проверке конституционности статей 15, 16, 151 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 24.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина А. В. Ивченкова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 26-П // Рос. газ. 2025. 10 июля.

занностей. Вместе с тем их применение неизбежно связано с вмешательством в сферу конституционных прав и свобод личности. Признавая функциональную оправданность таких мер, правовое государство обязано удерживать административное принуждение в пределах конституционно допустимого, что достигается посредством совокупности взаимосвязанных критериев. К числу таких критериев относятся: законность, предполагающая наличие чётких и определённых правовых оснований; необходимость и соразмерность вмешательства преследуемым целям; соблюдение процедурной справедливости; наличие эффективного судебного контроля; функционирование компенсационных механизмов, направленных на восстановление нарушенных прав.

Анализ научных подходов и судебной практики показывает, что наибольшие конституционные риски связаны с теми мерами административно-процессуального принуждения, которые непосредственно затрагивают свободу и личную неприкосновенность человека, включая доставку, административное задержание и помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации. Существенные риски возникают и при применении мер, вмешивающихся в сферу частной

жизни и собственности, таких как личный досмотр, изъятие вещей и документов, а также различные виды освидетельствования. Характерным примером является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу исчисления срока административного задержания, из которой следует, что даже формально «технические» элементы правового регулирования способны при неблагоприятной практике приводить к чрезмерному ограничению свободы личности. Аналогичный подход прослеживается и в практике Европейского суда по правам человека, неоднократно подчеркивающего, что формальное соответствие меры закону не исключает её произвольного характера при отсутствии действенных процессуальных гарантий.

В конечном счёте эффективность административного процесса и обеспечение конституционных прав личности не находятся в отношениях противоречия, а, напротив, являются взаимно обусловленными категориями. Повышение качества нормативного регулирования и процедурных гарантий способствует устойчивости правоприменительных решений, снижению риска произвольного вмешательства в права граждан и укреплению доверия к публичной власти как ключевому элементу правового государства.

Список источников

1. Бахрах Д. Н. Административное право: учеб. для вузов. М.: Норма, 2018.
2. Трегубов И. С. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые полицией в области дорожного движения // Современное право. 2024. № 1.

Информация об авторе:

Трегубов Игорь Сергеевич,
преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права

About the author:

Tregubov Igor S.,
lecturer of the department
of constitutional and municipal law

Статья поступила в редакцию 01.02.2026;
одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 01.02.2026;
approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.